

УДК 81'28

DOI: 10.17223/19986645/50/2

Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИБИРСКОЙ ПИЩЕВОЙ ТРАДИЦИИ В ДИСКУРСЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: НАПИТКИ¹

В статье продолжается изучение сибирской пищевой традиции и её трансформации в течение XX – начала XXI в. Внимание сосредоточено на напитках – одной из составляющих сферы «Пища». Исследование осуществляется на материале дискурсивных практик типичного представителя народной культуры В.П. Вершининой, отражающих почти вековой период жизни сибирской крестьянки в условиях глобальных перемен в российском обществе. Анализ позволяет установить константы сибирской традиции употребления напитков, а также изменения, проявляющиеся на лексико-семантическом, концептуальном и дискурсивном уровнях.

Ключевые слова: пищевая традиция, Сибирь, диалектная языковая личность, напитки, лексикон, концептосфера, дискурс.

Значимость понятийной сферы «Пища» для каждой национальной культуры определяет внимание к ней исследователей гуманитарного направления: этнографов, культурологов, историков, лингвистов. Актуальность обращения ученых к пищевой традиции обусловлена тем, что пища выполняет роль культурной константы и дает богатый материал для постижения своеобразия материальной и духовной культуры каждого этноса. Для лингвистики разработка данной проблематики важна при изучении развития лексической системы, исследовании национальной концептосферы и способов ее представления в языке, реконструкции языковой картины мира и выделения ее ценностных доминант.

Ученые рассматривают состав и функционирование лексико-семантического поля «Пища (Еда)» [1–3], его этнолингвистические характеристики [4–5], национальную специфику в русской языковой картине мира [6–7] и при сравнении картин мира в разных языках [8–9], в том числе через анализ метафорических моделей номинаций, связанных с пищевой сферой, в лингвокультурологическом, когнитивном и лексикографическом аспектах [10–12]. В большинстве работ наименования еды и напитков описываются недифференцированно; отдельные исследования посвящены наиболее значимым для культуры этноса продуктам, среди них особенно выделяются хлеб [13] и спиртное [14–15]. Изучаются прежде всего данные литературной речи. Территориальные диалекты обследованы менее детально [16–19], хотя они наиболее ярко отражают традиции культуры этноса, являясь материнской основой всех форм национального языка.

В томской диалектологической школе наряду с описанием языковых способов выражения традиционной крестьянской культуры с опорой на речь си-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

бирских старожилов Среднего Приобья в целом развивается принципиально иной лингвоперсоналогический подход, предполагающий выявление своеобразия этой культуры через изучение речевой практики ее типичного носителя. В качестве такого носителя выступает языковая личность сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004), малограмотной, уроженки с. Вершино Томской области.

Анализ сибирской пищевой традиции исследуемой языковой личности был начат в работе [20], где описывались продукты питания и блюда. Данная статья продолжает эту тему и посвящена описанию напитков. Разумеется, изменение традиции осуществляется в реальной действительности, однако в лингвистическом исследовании реконструкция культурных трансформаций возможна только с опорой на дискурс и лексикон, которые отражают их. Источниками исследования послужили записи спонтанной речи информанта (в расшифровке – около 10 000 страниц), которые велись авторами работы в течение 24 лет методом включения в языковое существование говорящего, и материалы «Полного словаря диалектной языковой личности» [21], созданного на их основе.

В идиолексиконе диалектоносителя можно выделить две группы названий напитков. В первую входят те, которые человек получает в готовом виде, во вторую – требующие приготовления.

Первая группа представлена единичными номинациями:

– *вода*. Это единственная жидкость, которая потребляется как естественное вещество, составляющее часть неживой природы;

– *молоко*. Его роднит с водой природное происхождение, но отличает отнесенность к живой природе. Использование этой жидкости невозможно без целенаправленных усилий со стороны человека. В эту же группу можно отнести и единицы *пристоква'ша/простокваша* как обозначения естественных производных от молока.

Вторая группа гораздо многочисленнее. В ее состав входят:

– безалкогольные напитки: *газировка, какао, квас, кисель, компот/конпо'т, кофе/ко'фий/ко'фия, сок, чай, яблочный сок*; в том числе заменители чая из местных растений – белоголовника, душички, зверобоя;

– алкогольные напитки. Кроме общих номинаций спиртных напитков *выпивка, спиртное, магары'ч, зелье*, в их составе выделяются напитки домашнего (*брага/бражка, квасок «брага», самогон/самогонка, перегон «крепкий спиртной напиток»*) и заводского производства (*бела(я)/бело(е) «водка», зубровка, кагор, кра'сно(е)/кра'сно вино, ликёр, ма'рочно(е) вино, портвейн/портфе'йн, рябиновка, спирт, сухое вино, шанпа'нска(я)/шанпа'нско(е)*, в том числе названия торговых марок вина, пива, настоек и водки: *«Агдам», «Жигулёвско(е)», «Зверобой», «Лимо'нно(е)», «Люби'тельска(я)», «Пашени'чна(я)», «Русска(я)», «Столи'чна(я)/Столи'чно(е)», «Таёжно(е)»*. Отдельные лексемы используются для обозначения как группы спиртных напитков, так и их частных разновидностей: *вино* имеет ЛСВ «любой заводской спиртной напиток», «спиртной напиток заводского производства, получаемый в результате брожения винограда» и «водка»; *водка* – «любой крепкий заводской спиртной напиток», «крепкий бесцветный алкогольный

напиток заводского производства». Номинации *пиво* и *настойка* могут обозначать как самодельный, так и покупной напиток. В составе и домашних, и заводских есть крепкие и слабоалкогольные напитки.

Все отмеченные лексические единицы составляют семантическое макрополе обозначений напитков, не имеющее своего имени в лексиконе языковой личности¹. В рамках макрополя можно выделить поля, отличающиеся количественным составом и характером системных отношений между компонентами.

Наиболее разработанным является поле обозначений алкогольных напитков. Оно единственное из всех имеет обобщающие названия (*спиртное*, *выпивка* и др.). Членение этого поля отличается диалектной спецификой. В нем выстраивается семантическая оппозиция *белое/красное*, в которой *белое* обозначает не белое виноградное вино, а водку, а *красное* – любое из красных вин². Регулярно проявляются все виды системных отношений: гиперонимия (в качестве гиперонимов по отношению к соответствующим видовым названиям выступают *вино*, *водка*, *зелье*, *магары'ч*, *настойка*, *перего'н*), гипонимия (например, *кагор*, «*Агдам*», *портвейн/портфе'йн* и другие названия вин, «*Пашени'чна(я)*», «*Русска(я)*» и другие марки водки), синонимия (*спиртное* = *выпивка* = *магары'ч* = *зелье*; *кра'сно(е) вино* = *кра'сно(е)*, *водка* = *бе'ла(я)/бе'ло(е)*), формальное варьирование (*брага/бразжа*, *самогон/самогонка*, *шанпа'нска(я)/шанпа'нска(е)*) и семантическое варьирование (для слов *вино* и *водка*). В отличие от остальных полей, в него входят не только имена нарицательные, но и собственные. Прочие составляющие макрополя объединения характеризуются значительно меньшей наполненностью (не более 7 компонентов) и слабым проявлением системных отношений.

Большинство наименований однословные. От многих из них имеются диминутивные образования (*водичка*, *конпо'тик*, *молочко*, *спиртик*, *чаёк* и др.). Особняком стоит входящая в поле «безалкогольные напитки» группа единиц, обозначающих заменители чая из местного растительного сырья. Специальные названия таких напитков фактически отсутствуют; их роль выполняют номинации самих растений (*белоголовник*, *душичка* и под.).

Перечисленные составляющие макрополя обозначений напитков отмечены в различных фрагментах дискурса сибирской крестьянки. Преобладают в их составе тексты, отражающие спонтанное бытовое общение с лицами из круга постоянной коммуникации – родственниками, односельчанами, собирателями. Встречаются единичные метатексты, порожденные, как правило, расспросами диалектологов о старине. Отметим, что тема напитков в непринужденной речи языковой личности занимает значительно меньшее место, чем тема продуктов и блюд. Можно предположить, что питье в сравнении с едой представляется диалектоносителю второстепенным: еда выходит на

¹ Слово *напиток* в идиолексиконе В.П. Вершининой отсутствует; *питьё* зафиксировано только со значением процесса употребления жидкости.

² Белое виноградное вино не имеет соответствующей номинации так в лексиконе диалектоносителя, как и в вершининском говоре [22. С. 74–75]. Наличие этой лакуны в лексико-семантическом поле связано, очевидно, с непопулярностью этого алкогольного напитка среди сельчан.

первый план, поскольку играет решающую роль в восполнении энергозатрат при тяжелом физическом труде крестьянина.

Реконструкция традиции употребления напитков и ее видоизменения, как и в предыдущей публикации, осуществляется через сравнение двух отраженных в дискурсе языковой личности периодов ее жизни. Ранний из них описан в первой части статьи: он представляет жизнь сибирского старожильского села в 10–20-е гг. XX в. и реконструируется на основе текстов воспоминаний информанта. Позднему периоду посвящена вторая часть статьи; он охватывает временной отрезок с 1981 по 2004 г. в текстах, фиксирующих языковое существование социума и входящей в него личности при непосредственном наблюдении собирателей. В зону сравнения помещены также сферы бытового и надбытового – воспринимаемого как более значимое и ценное, отличное от обыденного бытия (религиозные и нерелигиозные праздники, обряды и ритуалы).

I. Первые десятилетия XX в. – это годы начала жизни информанта, совпавшие с переломными событиями в истории страны. В 10-е гг. прошлого столетия сибирские крестьяне еще вели единоличное хозяйство. Каждая семья имела свои земельные наделы, покосы, домашний скот; река, озёра и сосновый бор позволяли заниматься охотой, рыболовством, сбором грибов, ягод, орехов и трав. Несмотря на территориальную близость города, деревня жила обособленно от него; основным родом занятий была работа на земле, крестьянский быт был более архаичен, чем городской, а уровень доходов жителя села значительно ниже. В этот период состав используемых и изготовлявшихся в сибирской деревне напитков, так же как и ее пищевая база в целом, определялся природными и социальными факторами, обеспечивался постоянным трудом всех членов большой крестьянской семьи, связанным с земледелием (в том числе выращиванием зерновых), животноводством (в том числе содержанием дойных коров) и собирательством. В 20-е гг. с установлением советской власти и появлением коммун, а чуть позже колхозов уклад жизни начал меняться, но его основы еще долго сохраняли свою традиционность.

Контексты, включающие наименования наиболее употребительных в начале XX столетия в повседневном быту напитков, связаны прежде всего с *чаем и молоком*.

Чай в это время завозился в Россию через Сибирь из Китая и был популярным, однако широко распространенным напитком у представителей разных сословий. В воспоминаниях диалектоносителя встречаются обозначения двух его разновидностей: *фамильный* и *кирпичный чай*. Первый из них продавался оптом какими-либо китайскими фирмами через посредников или представителей, второй представлял собой прессованные брикеты из отходов чайного листа и веточек. Не слишком качественные, но достаточно крепкие и недорогие чаи были доступны даже небогатым крестьянам. Тем не менее в рассказах языковой личности о хозяйстве ее родителей описывается способ заготовки сырья для напитка, основу которого составлял собранный членами семьи и высушенный в русской печи белоголовник, перед сушкой обливаемый настоем покупной заварки – очевидно, в целях экономии: *[Под тягу?] накладёт [мама], и такой чай, кирпичный ли фамильный чай, обольёт его мале'нько, а*

потом сушит – по мешку насушивала. Белоголовник. Белый, жёлтый, крем-
вый такой. Рвали. Ну, он далёко. В Култуке' его много;¹ Чай рвали ездили
специально, бел'оголовник <...>. Так... рвёшь его, в мешок скла'дываешь. А по-
том... его заваривают... Ну, видно, не было [покупного чая], ли чё ли?
Моло'деньки мы были. А нам мама... его в печку ставит, чай напарит, чаем
обольёт и в печку ставит туды', закроеет. Он попре'т, она на листы опе'ть
да и в мешки. Сушит да в мешки. По целому мешку чаю было. Пойдём зава-
ривать – из мешка берём. Второй из контекстов отражает употребление сло-
ва чай в значении «высушенные ароматные травы, используемые для приго-
товления заварки».

Вместо заварки также заготавливалась сушеная морковь: *И помню, мор-
ковь делали. Морковь... тоже кусо'чками нарежут, в печку поста'вуют,
испа'рют её, в чугуне или там... в горшке, потом укла'дывают [мама] на лис, и
сушит. Дочерна-а така', ну не сгорит, а чёрна, кори'чнева. Потом морков-
ный чай пили. Пили, заварка была, я помню.*

Из рассказов о чае следует, что сырьем для приготовления напитков чаще
были собираемые в лесу травы или выращиваемые на собственном огороде
овощи, а не покупные продукты. Важную роль в заготовке этого сырья впрок
играла русская печь.

Жизнь многодетной крестьянской семьи не обходилась без большого на-
греваемого углями самовара для общего чаепития: *Помню, а самовар был у
нас, ну он не так большой был, ну, наверно, полведра было. Чай пили неслад-
ким. Покупной сахар в виде голов кололи и ели вприкуску: Сахар комковой
был, каки'-то головы назывались. Комок такой большой. Вероятно, это поро-
дило формулу речевого этикета чай с сахаром!, которой пришедшие привет-
ствовали хозяев, застав их за трапезой.*

Потчевание чаем подруг и родственников являлось обязательным этикет-
ным действием. Показательны отрывки из воспоминаний языковой личности
о матери, отражающие процесс потчевания. Он включает уговаривание гостя,
ритуально отказывающегося от приглашения сесть за стол, но потом его при-
нимающего, расхваливание хозяйкой свежего чая и другие действия, демон-
стрирующие добросердечное отношение к пришедшему: *Ведёрный, Катя,
самовар... ведёрный, – никто без чая не уходил! Кто пойдёт, дак она [мама]
до ворот догоня'т: «Да идите, да я там заварку све'жу заварила да всё
да...»; «Тётка Лукерья, садись чай пить!» – «Спасибо. Поела недавно». –
«Ну-у, садись, чашку чая выпей!» – она садится; У ей [матери] кума была
<...> Вот они другой раз посидят да пойдут: «Да кума Секлетинья, да посиди,
посиди, я же и чай я свежий заварила, да всё да...». В качестве угощения
при чаепитии использовались сваренные в самоваре яйца из своего хозяйст-
ва: *Она [мама] – самовар от такой большо-ой, ведёрный, на ведро воды,
туды' угли зама'чиват, угреба'т из печки всё, зама'чиват, угли заливаает, да
покрывает их. А потом в самовар кладут, они греются, горят угли-то...
труба така' надева'тся, на это, вот какой, на самовар-то, на весь-то. <...>**

¹ Фрагменты связной речи информанта отделяются точкой с запятой. В отдельных случаях полужирным шрифтом маркируется эмфатическое ударение. В квадратных скобках отражены реплики или пояснения собирателей материала.

И вот это, ставят туды' и... полотенце положит, я'ица намое... намое, намое, намое я'ица... Чашки больши' гли'няны, намое-намое, я'ица накладёт туды', полотенце це'ло это, и закрое, и кипит там, сколько покипят. Ута'скыват – опе'ть в эту чашку... вылива'т эту-то воду, а в холо'дну воду. <...> [Яйцами угощала?] Ну, яйца варила ши'бко. Свои были, чё. Хоро'ши. Пе'рво угошшенье было – яйца. На тарелку накладут прям стогом!

В рассказах о работе крестьян за пределами деревни также фигурируют чай и заменяющие его травы: *Я всё вот думаю: на полях рабо'ташь кода', чай скипятят в ведр'ах, потом ве'дра стоят с чаем это, – ну не ши'бко горячий, и не тёплый, тёплый я не любила, а впро'горачь. Пойдёшь, попьёшь – прямо ой! Ну, кода' нету чаю, каку'-нибудь траву нарвут, белоголовник там... [А где чай брали?] А чай из дома возили [заварку]. Хороший... так попил бы счас, да так побы'л бы такой, как работал.*

Поскольку каждая крестьянская семья держала коров, свежее молоко и молочные продукты были важной составляющей крестьянского стола. Значимость высоких надоев молока отражена в этикетной формуле *море под кормилицей*, которой приветствовали доившую корову хозяйку: *Чтобы море молока было, кормилица дала – «море под кормилицей»; Море под кормилицей!. Кака' хоро'ша пословица.*

Этот компонент пищевого рациона отражен в воспоминаниях языковой личности об играх деревенских девочек «в дом» («клетку»), где из подручных средств имитировались продукты питания для угощения кукол: *Бе'лу глину разведём – это у нас молоко было, погушие сметана, тво'рог там потчует. Ку'колков этих тоже унесём в клеточку тоже потчует.*

В рассказах о работе на полях или покосах наряду с чаем упоминается и молоко: *Уедут [на покос] – жнут кода', ко'сют. Ну, тя'тя ездил домой [за продуктами] возил. Приедет домой, наберёт хлеба, молока – ч'етьверти были, четверть молока <...>. И вот привозил нам всё. Огурцов привезёт солёных, малосольных, свежих – ну, питанье.*

В зимнее время излишки молока для его сохранения замораживали. Мороженое молоко возили на базар в город, доходами от продажи пополняя семейный бюджет: *А вот это-то продавали, помню, молоко-то всегда: наморозят да в корзинку таки' двухру'шны таки' большу'чи, корзинки, на бочок так, кли'нушком – не только чтобы кружок был кругленький ба, – а кругленький, клинышком... Поставишь вот так от, вот так наскосо'к, так и замёрзнет. А потом их складывают в корзину, двухру'шину, и покрывают чем белым – мама всё скатертью белой покрывала, и повезут это на базар. Ну, приедешь на базар, продаёшь.*

Какой из напитков – чай или молоко – был главенствующим, однозначно сказать трудно. Очевидно, они дополняли друг друга, выполняя разные функции: чай утолял жажду, а сытное молоко – голод.

Высказываний о питьевой воде как напитке в прошлом не сохранилось. Ничего не говорится о ее вкусе и качестве; не отмечено словосочетание *пили воду*, вода упоминается только в связи с поливом огорода, уходом за скотом, стиркой и другими хозяйственными нуждами.

Тема спиртных напитков в воспоминаниях информанта о быте начала прошлого века находится на периферии: центром повседневной жизни кре-

стьян был труд, и употребление алкоголя для большинства из них занимало достаточно ограниченное место. Имеются единичные упоминания о существовании в селе винной лавки, где торговали покупным спиртным: *Ну, вино продавали, винопо'лка была. Там сколько вина-то было? [Там только продавали, не делали вино?] Продавали только, привозили. Ликёры вся'ки, и четвертя'ми, и буты'лками, и литровыми, и шкалики, и каки'-то ма'леньки таки', четушки и вся'ки... Каки' только не было.* Конкретные номинации видов спиртного, за исключением ликера, не называются; слово *вино*, очевидно, имеет в данном контексте родовое значение.

Косвенно на выпивку в будни указывают прецедентные тексты – пословицы, поговорки, присказки, фрагмент песни, в которых встречаются лексемы *пиво, квасок, вино* и *водка*. В них затрагиваются темы приема алкоголя (*наме'сто кваску заманить тоску*), опьянения (*пиво, чтоб с ног сбило; «Мне сказали, милый водочку не пьёт, а из кабаку пьяной-пьянёшенький идёт*) и пьянства (*не бей кнутом, напо'й вином; нет такого молодца, чтоб поборол винцо, а всё винцо сборет; умирай, а зелье хватай*). Эти тексты позволяют судить о семантике перечисленных лексем (*квасок* – слабоалкогольный напиток, а *пиво* – крепкий; *вино, винцо, зелье* выступают в обобщенном значении любого опьяняющего питья). Приведенные паремии отражают также представление о функциях алкоголя (его прием призван *заманить тоску* – развеять грусть) и нормах использования спиртного (в умеренных дозах, не приводящих к пьянству).

В надбытовой сфере употребление многих напитков было приурочено к определенным периодам и событиям.

В рассказах о многочисленных периодах постов, предписываемых установлениями христианской веры, постоянно подчеркивается запрет на *моло'сно*, куда входят молоко и все молочные продукты: *Пос, посты же были, не ели, никогда' не ели. Мясо не ели и молоко не ели. Среда, пятница – вот сколь, мало ли тут, пройдет сколько... ну чё тут? Ну, например, пятница: суббота, воскресенье, понедельник, вторьник – четыре дня, [а] тут среда, постный день. Опе'ть пройдет четве'рик – пятница опе'ть постный день. Не ели; И вот они [родители матери] по'стовали. Боже спаси, чтобы моло'сно пои'сь; Ну я уже вза'мужем была, не ела моло'сно никогда', кода' пос.*

К пище, заменяющей «молосное», относились в том числе квас (как основа для окрошки) и кисель: *В пос не ели моло'сно. Кисели от эти варили да па'ренки варили да, похлёбку по'сну варили, всё масло... Ну, раньше крупа-то была така' перло'ва, да хоро'ша така'. Грыбо'вницу варили. Хоро'ше, всё равно было питанье. Квас делали всё время. Окрошку, всё делали.* Обычно упоминается *красный кисель*, который готовился из ржаной муки с добавлением дающих красно-желтый цвет ягод – калины и смородины, а также изюма и урюка. Из всех этих компонентов только последние два были покупными: рожь выращивалась в своем хозяйстве, ягоды собирались в лесу. Важным в приготовлении киселя был процесс соложения: *[Раньше кисель как делали?] Ну, делали таки, кра'сны. Рассоложда'ют аржану' муку. <...> Калины ягоду поло'жут, или смородину туды'. От одной-то ягоды не будет [цвет]. Изюм'м клали, и урюк клали, и всё тоже. С чем изде'лашь, каку' ягоду положишь. <...> Тако' моло'сно всё равно не ели. Редьку, капусту там, кисели*

варили ра'зны – кра'сны кисели, из аржано'й муки варили, делали, ну, по'сна пишиа была. И вот семь недель [в Великий пост] никто' не ели. Как и при заготовке самодельной заварки на основе высушенных трав, для изготовления киселей и кваса использовалась русская печь.

В теме строгого поста упоминается вода как единственно допускаемый в это время напиток при запрете любой пищи: *Старухи раньше... у нас тётка была – она ничё не ела [в Сочельник]. Ничё не ела. Водички попьёт, целый день ничё не ела. В сёдняшний день, в Сочельник.*

Значимыми событиями в жизни деревни на фоне повседневного быта были не слишком частые праздники, в первую очередь связанные с религией, – Рождество, Пасха, Троица и др. В Вершинино в Петров день и Введенё отмечались также престольные (съезжие) праздники, во время которых сельчане принимали гостей из окрестных деревень. Празднование предполагало обязательное угощение, в том числе спиртным. Следование традиции обязывало участников гулянья выпить даже вопреки желанию: *А я не любила всю жись упива'ть, не люблю. <...> Ну и пила я, всё равно. Ну, где гуля'шь, и вы'пешь та'мо-ка. Всё равно, пила.* Контексты указывают на умеренное употребление алкоголя в праздничные дни: *Раньше гуляли, мы всё поминали: гуляли раньше – ну, вы'пют мале'нько та'мо-ка, по стопочке ибнесу'т, по мале'нькой... И мужики так же, и бражонку пьют.* Контекст косвенно указывает на употребление небольших доз крепкого спиртного (очевидно, покупной водки) и самодельной браги. Наряду с брагой в праздник делали домашнее пиво. В его изготовлении применялись томление в печи, выгонка сусла и добавление изюма; одним из составляющих пива был хмель: *Сье'зжи [праздники] – Введенё и Петров день. Боцьки узю'ма накупят. <...> Хмеля положат туды'. Корчага, туды' сена накладывают и в пецьку пихают. Он уж солоде'т. Кадочка така' была. Спускают сусло. Тянется. Разбавляют, разбавляют его.* Единственный метатекстовый комментарий *с'яс брагой зовут, а тогда «пиво»* позволяет предположить, что способы изготовления пива и браги были близки.

В рассказах о свадьбе – семейном, нерелигиозном празднике – фигурирует вино. Обычай предполагает как потчевание им гостей, так и включенность этого напитка в обрядовые действия: *Свадьбы-то больши' были. А гуляли-то по неделе. <...> [Дружка] порядок ведёт, а поддру'жье уж угошиа'т там, наливает вино да...; Ну продавали пироги, так от, например, стряпка. Стря'пат, кото'ра стряпка, она пойдёт, это, ку'рьник возьмёт, и там – ну, ешо кто-нибудь с ей: и вино подают, и пирог этот продавали. <...> Ну, и продают: одна вино налива'т, друга' это, колобочек, например, кусочек ли мяска' – закусывают.* Сведений об употреблении во время праздников других алкогольных напитков, в том числе самогона, в текстах языковой личности не встретилось.

При описании свадебного обряда упоминается кислое молоко – *пристоки'ша*. Этот напиток выполнял символическую функцию порицания свахи и родителей невесты, не сохранившей девственности до свадьбы: *Лежат [молодые после свадебной ночи], ждут сваху, дружку. Ну, они лежат, до каких пор лежат там-ка, пока'месь их не подо'ймут. Они подымают. Если хорошо, значит, вышло, дак благодарят, маха'ют там [свадебными про-*

стынями], если худо, дак и сваху чем-нибудь обольют, пристоки'шей... Родители, гыт, пристоки'шей обливали раньше, гыт.

Напитки являются обязательным элементом похоронного обряда. В нем участвует вода: *Ой, хватилась: «ба'ушка, ба'ушка». А она прямо умира'т уж. И вижу уж, потянулась, умерла. Ну, я побежала к Коле, там закрыто, ни спичек нету, да, как говорят, воду надо, да свечку, да всё. Я хотела всё поставить по-доброму. <...> Ну, когда умира'т, то, говорят, надо свечку зажечь и воду поставить, стакан с водой. Просто воду почерпнуть и поставить.* М. Менцей рассматривает народные представления славян и других народов Европы, согласно которым душа умершего до сорокового дня пьёт поставленную около покойника воду или купается в ней, очищаясь от грехов [23. С. 90]. Исследователь предполагает, что «в обычаях, связанных со смертью, отражается реликт древнего верования, т.е. мифологического представления о том, что душа после смерти переходит на "тот" свет через воду как границу» [Там же. С. 93].

В качестве поминального напитка использовался кисель. При этом наряду с красным киселем встречается единичное упоминание белого киселя: *Раньше было принято в пе'рву очередь – кисели варили [на поминки]. Кра'сны, это из аржано'й муки так, кисель, ягода калина, смородина там... Белый кисель, и красный кисель, пирог с рыбой...* Очевидно, необходимым компонентом похорон и поминок также являлось спиртное [24. С. 7–8; 25. Т. 1. С. 373]. Однако в материале, отражающем начало XX в., такие воспоминания отсутствуют.

В текстах рассматриваемого периода выявлены связанные с напитками следы языческих верований. Существуют сведения о том, что на Руси молоком (в том числе кислым, от чёрной коровы и т.д.) тушили пожар от молнии; у всех славян этот напиток связан с небом и атмосферными явлениями: «...по древнейшим индоевропейским представлениям, сохраняющимся в славянской народной традиции, дождь – это молоко от небесных коров-туч» [25. Т. 3. С. 284]. Вопрос диалектолога о тушении пожара таким образом порождает лаконичный ответ: *Говорят, что молоком [тушили пожар], это я слышала, а не знаю. Надо молоком, гыт, только. [Кислым или нет?] Кислым, пристоква'шей.* Реплика крестьянки свидетельствует, с одной стороны, о знании существования данной традиции, с другой – о неприсвоенности этого знания в личном опыте.

II. Рубеж XX–XXI вв. – это последние десятилетия жизни информанта, совпавшие с еще одним резким изменением общественного строя в стране.

При советской власти, когда основными формами хозяйствования в селе стали колхозы и совхозы, доля производимого на личном подворье сокращается, усиливаются связи с городом, уровень благосостояния крестьянства становится выше. Конец XX в. характеризуется значительными изменениями в государственном устройстве России, которые отразились и на жизни деревни. В связи с развитием крупного промышленного производства ухудшилась экологическая ситуация, сказавшаяся на состоянии рек и лесов. Перестройка привела к распаду коллективных форм собственности, значительному уменьшению поголовья скота как на фермах, так и в своем хозяйстве, перебоям в снабжении продуктами. Впоследствии положение дел изменилось в

лучшую сторону, однако возврата к существовавшему долгие годы укладу не произошло. Многие сельчане теряют работу, увеличивается отток молодежи в город, снижаются доходы населения. Все это привело к изменениям и в сфере употребления напитков.

Бытовой дискурс свидетельствует о том, что чай по-прежнему входит в ряд самых распространенных напитков повседневного употребления. В то же время исчезают старые разновидности чаев (номинации *фамильный* и *кирпичный чай* уходят в пассивный запас), перестает использоваться заварка из сушеной моркови и высушенных трав в комбинации с покупным чаем. В большинстве случаев чай теперь готовится на основе покупного чайного листа. При приготовлении чая иногда используются как дополнение к покупной заварке душистые травы (*Татьяна Васильевна каку'-то мяту накладёт да... душицу вся'ку-ра'зну... И так всё... Гутя этот, зверобой*), но такие напитки не слишком распространены, в том числе в связи с изменением природной среды: *Кака' тут душичка тебе! Ну, раньше рвали, где вот, напро'ти ко'нплекса, где столо'ва. Вот тут вот дополна' было, а теперь кого там.*

Чай уже не пьют вприкуску с кусковым сахаром (сахарный песок добавляют в сам напиток), архаизируется пожелание *чай с сахаром!* Чаепитие при потчевании сопровождается не вареными яйцами, а широким набором сладостей – варенья, меда, конфет, пряников и др.: *Ну дак неужели не попьёшь чай-то? Попей! Чай-то! С сахаром, с мёдом попей, вон вареньице ешь и всё; Придёт [мальчик], я его попотчую, чайку дам, конфе'точками.* Уходит в прошлое традиция пить чай из самовара: *Так а тапе'рь чё? Чайник. [В]он самовар стоит – никого! Два раз согрела, так, Катя, стоит, третий год. На день рожденья мне купили. Я уж не ставила. Чайник грела.*

Молоко как напиток сохраняет свою значимость для жителя деревни, однако в силу социальных причин становится менее доступным. Число коров на личном подворье начало сокращаться в период хрущевских реформ; впоследствии целый ряд факторов (отток молодежи в город и старение населения села, трудности с заготовкой сена, дороговизна кормов) привел к тому, что крупный рогатый скот сохранился лишь в немногих семьях. Деревенские жители, не имеющие коров, покупают молоко у односельчан, для которых продажа весьма востребованного продукта становится дополнительным источником дохода: *Молоко до'рого у нас тоже. Я-то как попало: кода' пятнадцать рублей за банку двухлитро'ву отдам, кода' десятку отдам Ане [родственнице], как попало. А она загиба'т по тридцать рублей с людей.*

Можно предположить, что в перечень производимых в домашних условиях напитков во второй половине XX в. входит компот. Он варится из фруктов, ягод или сухофруктов с добавлением сахара: *Давайте, конпо'тику. Варенья даже бросила [в него]. Яблоки эти они жёстки. Я их поела – последни зуби'шки отбила; Он же [сахар] убыва'т. Да и так сама беру, то то, то другое. То кисель, то компот; Как-то плохо ес [маленький ребёнок], молоко. Конпо'т ва'рют, куриный ему, суп куриный ва'рют, ка'жный день, всё отдельно... Появляется также консервированный компот из местных ягод как разновидность заготовок на зиму: *У меня варенья-то ешь там, стоят в подпо'льях, плохи' уж стали. Конпо'ты тоже. Виктория, смородина, крыжовник однако ешь.**

Состав безалкогольных напитков расширяется за счет покупных соков и газированной воды. Сок обычно упоминается в качестве гостинца или подарка, газировка – как напиток для детей: *Накупит [бывший муж] – сок всякий-разный, рыбу кода' добудет, принесёт конфет накупит всяких-разных принесёт... [больному сыну]; Мне подарок привезли, с этого, с райсобе'су. Это какой-то сыр, называют его. <...> Ешо-то чё? Ой, сок! Ешо сок стоит де'-то. Баночка от така' соку; Она [родственница, работающая продавцом] всё равно выберет [под зарплату], всё вы'таскат так. Так всё... И газировку там... там то и друго', и конфеты вся'ки, шарики и всё... Всё Женечке таска'т, таска'т, а всё, наверно, запи'сывают, а получать нечего будет.*

Новыми для деревни напитками являются кофе и какао, почти не употребляемые старшим поколением. Заимствованная номинация *кофе/ко'фий/ко'фия* не вполне освоена языковой личностью: наблюдается варьирование и звуковой оболочки, и грамматической категории рода: *Принесла [односельчанка в подарок] ко'фию баночку, баночку сметаны. Не кофе, а... какао; А я легла, да не могу уснуть – ко'фию у наших выпила бокал. Ну не могу уснуть!; Вы-то пьёте ко'фию? Она-то ко'фию пьёт.*

Единичные упоминания о воде отражают ее низкое качество: *Заросло всё в чайнике грязью. Ржавчина – ржа'ва вода-то, ши'бка плохо.* Это связано с загрязнением реки отходами производства и заменой источника водоснабжения на подземные скважины, вода из которых отличается большим содержанием железа.

Ряд напитков начинает употребляться сельчанами как в быту, так и в праздник, размывая тем самым границу между бытовым и надбытовым. К числу таких напитков среди безалкогольных можно отнести кисель. Он варится теперь и для поминального стола, и в праздники, и в будни: *Ну недавно двадцать шестого она [соседка] собирала [поминки в годовщину смерти брата]. <...> Она пришла: «Приходи, приходи!» Потом Кея эта пришла... Пошла, я кисельку мале'нько поела. Так посидела мале'нько; На день рожде'нье думала я кисель сварить. Я говорю: эти [родня] поедят хыть, они любят сла'дко всё ись; Да чё-то я ела-то вчара'? А-а, кисель сварила. Крахмальный. Ну от сварю кисель там чё-нибудь мале'нько, кашу сварю... сварю... Суп я редко варю.*

Поскольку ржаная мука перестает производиться (*А счас не делают ничё [кисель на солоде]. Муки-то нету аржано'й. [Рожь не сеют?] Её сеют, дак не мелют. Может, скотине там в конбико'рм идёт, а так-то не мелют*), меняется технология приготовления киселя, для которого используются те же продукты, что и для компота, но с добавлением картофельного крахмала: *Сахару посыпала много [в компот], да урюк да... Картошки тёрла, ведро, картошек истёрла – говорю, на крахмал. А наварила-то много. И отбавила этот урюк.* Белый и красный кисели выходят из употребления; архаизируются и их номинации, замещаемые родовой лексемой *кисель*.

Стирание граней между бытовым и надбытовым ярче всего демонстрируют алкогольные напитки, которые широко входят в сферу быта вследствие обозначенных ранее социальных причин. Дискурсивные данные свидетельствуют о том, что потребление спиртного резко возрастает в сравнении с началом века.

Главное место среди слабоалкогольных напитков занимает *брага/бражка* в связи с относительной дешевизной и быстротой ее изготовления. Она вытесняет домашнее пиво, в рецептуре которого был хмель. Брага производится в наши дни с добавлением дрожжей и сахара (*Сахар и дрожжи, ага, и всё*), а в их отсутствие – любых подручных заменителей этих продуктов – забродившего варенья или компота, дешевой карамели, покупного джема, сладкого сока: *Брагу изде'лала – два килограмма [сахару], да эту, как её, варенья поло'жила, да конфет было с килограмм у меня <...> я всё туды' [в брагу], думаю, хто придёт, мале'нчко угостить надо*. Она используется в повседневном быту многими сельчанами: *Тут в отпуск ему он флягами брагу делал да попивал; Волошины пьют, гыт, там браги наделают и попивают*.

Из местных ягод (чаще всего рябины и смородины) делаются домашние настойки: *Настоек наделала. Мешок сахару где-то достала; А у Гути была настойка, так нева'жненька... ху'денька так... смородина как закрашена – не п'я'нка нисколько. <...> Сла'тенько да закрашено мале'нчко*.

В отличие от текстов, отражающих жизнь деревни начала XX столетия, в дискурсе перестроечного и постперестроечного периода встречаются неоднократные упоминания о самогоноварении: *Хоть бы себе делали, а то продают ешо, варят самогон продают; Ну Гутя, она спиртом мало [торгует], она самогонку гонит; Привёз десять килограмм сахару, банку трёхлитро'ву – нагнал пятилитро'ву. Вот сколько! Тут можно обпиться! Пять литров – это же десять бутылок. Да там шесть бутылок – чуть не яшишкы! Белого, если заменить крепко. А он берёт, только пока горит*.

Самодельные алкогольные напитки активно дополняются покупными заводского производства – пивом, водкой, крепкими настойками, крепленным дешевым вином: *Гена зво'нит, и просит, чтобы Коля пива купил. А Коля на работе. <...> Я думаю: ну, пиво привезли [в магазин], дак я пойду – ну, я не яшишкы, а, думаю, хоть буты'лочков пять возьму, сколь-нибудь; «Тётя Вера, так ничё не осталось хорошенького, а...» какой? «Агдам», ли чё ли... купила, бутылку; Забыла, то ли перцовка, то ли зубровка – чё-то кра'сно тако' [вино]. И сорок три градуса; Она бутылку кагору купила, бутылку портвейна*.

Новыми для деревенских жителей видами алкоголя становятся *ма'рочно(е) вино, сухо'(е) вино, «Рябиновка», портвейн/портфе'йн* и др. Обозначающие заводские торговые марки имена собственные пополняют словарный запас диалектоносителей; в их числе «Агдам», «Зверобой», «Лимо'нно(е)», «Люби'тельска(я)», «Пашени'чна(я)», «Ру'сска(я)», «Столи'чна(я)/Столи'чно(е)», «Таёжно(е)

Существование лексемы *вино* как общего названия любого алкоголя определяет колебания в грамматическом оформлении называемых марок. Контексты отражают отождествление того или иного вида крепкого напитка то с вином, то с водкой. В некоторых случаях родовая принадлежность названия обусловлена сочетаемостью со словом *бутылка*: *Вот эта была «Столи'чна» у меня бутылка, распечатала – я ему тоже дала; Я говорю: «Дак это в газине есь вино. «Столи'чно». Я говорю, по тысяче во'семьдесят; Гляжу, он назавтра утром прибега'т: «Выручай давай!» А мне жа-алко было, вино у меня было како'-то «Таёжно» – хоро'шие, кре'пко, водка. Кре'пко, сорок градусов. Я ему итдала'*.

В дискурсе проявляется также вариативность у диалектных обозначений водки и красного вина. В первом случае варьируется грамматический род номинации *бе'ла(я)/бе'ло(е)*, во втором однословное обозначение *кра'сно(е)* употребляется наряду с двусловным *красное вино*: *Валя купила мне ли'тру белой, «Пашени'чна»; «У тебя нету, гыт, белой, водки нету, вина?»; На шынпа'нско, на коньяк, на кра'сно – на всё, добавилась цена, говорит; Красного яшишык, два яшишыка пива, яшишык газировки купили; Бутылка белого была, бутылка красного.* Тексты отражают также формирование устойчивых словосочетаний *бе'ла бутылка* «бутылка водки» и *кра'сна бутылка* «бутылка красного вина»: *И вот так и пропала бе'ла бутылка; На могилку ходила, я'иц накрасила, кра'сна бутылочка была, мне тут давали; У меня и бе'ла бутылка есь, ну и кра'сна есь.*

И значительные изменения в сфере наименований спиртных напитков, и резко возросшая частота их употребления в бытовом дискурсе свидетельствуют о разрушении традиции, связывающей спиртное со сферой праздников и обрядов.

Самой яркой приметой жизни современной деревни становится повседневное употребление алкоголя, перерастающее в пьянство. Почти всё мужское население села подвержено этому пороку: *Мужики от, как возьми [далее перечисляет соседей] – Коля пьёт наш, Георгий пьёт, Лёня пьёт. От этот, чуваши пьют, этот Николай пьёт. Де магазин-то был живут... тоже пьёт. Ну кто тут ешо? А тут и мужиков-то нету. Вася Карякин не пьёт, дак он болеет ши'бко. <...> Все пьют подряд. Волошин, ну, хоть он не тут живёт – тоже пьёт. Мурзи'нцев не пьёт. Там Лёнька пьёт счас, Петька пьёт. Ми'трий Иваныч не пьёт. Ну, тому уж како' питьё? Одна нога в могиле. Кого тут-ка? Все упива'ют.*

Покупной алкоголь в силу ряда причин не всегда доступен, и его отсутствие восполняется суррогатами – спиртосодержащими жидкостями, не предназначенными для принятия внутрь: *А знашь кого пьёт? Вот во'кна-то чистят, этот стеклоочиститель-то – и это пьёт. Мно'ги, не он один, мно'ги пьют его; Он, гыт, деколо'н и тот вы'нет, и то вы'нет, гыт, он деколо'н пьёт.*

Широко входит в обиход разведенный спирт, нелегально изготавливаемый и продаваемый отдельными жителями села. Такая продажа в своеобразных торговых точках (в любое время, в том числе в долг) служит для них источником обогащения: *Потом ешо стали спирт покупать. Бутылка спирта, на' три бутылки разольют и по две' тысячи шпарят! Ну до'рого; Ну, она гыт, «Я поторговала, хорошо', хороший навар». Он привозил ей по две' тысячи... по тысяче привозил пе'рво, бутылку, по тысяче рублей. А она продавала по две'. <...> А это... он де-то тут спирт брал, она всё пожижже разведут – он ей сам разводил, и сама она... разведут пожижже, да и... шпа'руют. Ну как не будет навару?; Запретили им, отпало пра'во крылышко-то [усмехается], торговать спиртом-то. Всем! Ну, сельсовет вызвали. Новый закон, гыт... <...> А Иван Хромой гыт: пятнадцать человек торговали, пятнадцать магазинов было. <...> Предупредили всех. Штраф посулили: «Если будете торговать – большой штраф будете платить». Продаваемый спирт часто бывает некачественным, что приводит к отравлениям, вплоть до смер-*

тельных исходов: *По радио-то я всё слушаю, передают: там отравились, там отравились, водкой. Отраву-то зачем? Всё наживаются всё. Отрава прям, отрава, травя'тся люди. Спирт какой-нибудь пьют да всё. На Яру' тоже мужичонка итрави'лся, выпил какой-то спирт, тоже итрави'лся...*

Пьянство определяет широкое распространение расчета за работу или какие-либо услуги спиртным всех разновидностей: *Вот мне дрова-то и привезли за водку-то; Ну хорошо, пол постелили хорошо. Наладили, до ночи. От я им по бутылке этого дала, да брага была, хоро-оша настойка у меня, не брага, а настойка была; А он как чёрт с письмом по деревне носится, копа'т картошки людя'м. Без вина терпеть не может даже. Особенно это становится актуальным для пожилых одиноких сельчан, которым необходима помощь в хозяйстве. Пьющие помощники предпочитают спиртное деньгам: Я говорю: «Ты это, Ваня, привези мне столбики», увидала его. А он: «Ладно, привезу». Столбики не привёз, жердёнки привёз. <...> Я говорю: «Ваня, у меня выпить нечего, я тебе деньги отдам». А кого там привёз-то, мале'нчко. Ну, я ему, правда, то ли двадцать пять, то ли тридцать я ему отдала-то. Не берёт, на' три буквы меня посылает: «Не надо мне, не надо. Мне надо выпить, хоть гушцу давай каку'-нибудь». Я говорю: «Вот нет у меня!» Ну, это... «Хыть деколо'н давай».*

Изменения происходят и в надбытовой сфере.

Оценка носителем традиционной народной культуры современного деревенского праздника отражает утрату его духовных проявлений, ранее предполагавших веселое коллективное общение, песни и пляски с угощением, где спиртному отводилась не самая главная роль: *Это раньше Петров день, здесь ши'бко праздновали! Престо'... престольный праздник был. А тепе'рича чё? Теперь соберутся один, два да, напьются пья'ны, да упа'дут да и всё. Гуляют-то... пьют-то больше, а гулять-то мало так, конпа'ниями не гуляют. <...> ...всё равно, плохо. В ка'жном дому' [раньше] всё: поют, и играют, да плясуют, да ой, а теперь... никого. Худа' всё равно жись стала.*

В наши дни духовная составляющая праздничной традиции все больше вытесняется ее внешними атрибутами, ориентированными на телесные потребности человека. Деревенские праздники отличаются теперь богатством стола, в том числе широким набором покупных и самодельных, алкогольных и безалкогольных напитков: *Ой, прямо!.. и это окрошку, квасу наделала, и окрошка была, и эта... ой, и рыба копчёна купила она, и рыбу красну купили, селедки таку' банку купили – семнадцать тысяч. Хоро-оша! Я кусочек съела, два ли съела. И пива два яшишыка, водки два яшишыка, только я'шишыкими, да здесь «Зверобоя» сколько бутылок брала, однако, семнадцать, да своей двадцать литров только самогонки было, да настойки было – то ли два бутылки ли чё ли, таки' больши'... кого ешо? газировки яшишык, и колбасы', и сливы накупили – ну, всего, и конфеты... Ой, не знаю, чё там только не было. Новые установки осваиваются молодежью, не представляющей празднование без чрезмерно большого количества спиртного: У Аникиных справляли там Новый год стреча'ли. Ну и ладно. Теперь это, по бутылке вина, – на ка'жного человека бутылку – это с ума сотти' надо!*

Общее ослабление религиозного начала как следствие влияния ориентированной на атеизм официальной идеологии определяет разрушение тради-

ции постования. Хотя некоторые сельчане иногда ограничивают себя в приеме скромных продуктов (как правило, во время самых важных постов), несоблюдение традиции имеет место даже у самого старшего поколения, к которому принадлежит и описываемая языковая личность: *А я... никого не разбираю. Пости'сь не постю'сь, голодать не голодаю... ничё! Кода' захочу, тогда' и ем.* Это отразилось и на напитках, связанных ранее с разграничением постной и скоромной пищи, – молоке, квасе и киселе. В текстовом корпусе отсутствуют контексты, в которых их употребление в новейший период соотносится с соблюдением постов.

В обрядовой сфере наиболее сохранными являются похороны и поминки, в них трансформаций питьевой традиции практически не наблюдается. В свадебном обряде исчезает обычай обливать простоквашей сваху и родителей «нечестной» невесты: *Пристоки'шей, гыт, обливали. А теперь подряд ничё не обливают, никого. Пристоки'ши нету, пристоква'ши.*

Итак, идиолект языковой личности является богатым источником изучения сибирской пищевой традиции. Несмотря на то, что сфера питья несимметрична сфере еды по количеству единиц, частотности их употребления, коммуникативной выделенности, отраженности в прецедентных текстах, метатекстовой рефлексии, она не менее важна для описания констант и трансформации народной культуры.

Анализ дискурса В.П. Вершининой, отражающего жизнь сибирской старожильческой деревни на протяжении столетия, позволяет обозначить в качестве констант следующие черты:

- наиболее широкая распространенность в повседневном быту чая и молока;
- непреходящая ценностная значимость молока, которое осознается как неотъемлемая часть рациона человека в силу его питательности и полезности;
- связь праздничной и обрядовой традиции с употреблением разных видов спиртного.

Трансформация питьевой традиции обусловлена теми же социальными причинами, что и в сфере продуктов и блюд: сменой общественного строя, развитием пищевой промышленности и расширением торговых контактов между городом и деревней, меняющимся уровнем благосостояния крестьян.

К изменениям можно отнести модификацию базы приготовления напитков. Ее сужение связано с прекращением производства ржаной муки как основы изготовления спиртного и киселей, а также с постепенным уходом практики использования душистых трав и моркови в качестве замены или дополнения заварки из чайного листа. Одновременно отмечается расширение этой базы, в первую очередь за счет сахарного песка. Расширяется состав домашних (компот) и в особенности покупных напитков. Меняются способы изготовления некоторых из них (кисель, квас). В быту резко возрастает количество употребляемого спиртного, что приводит к негативным изменениям и в надбытовой сфере. В языковом плане эти перемены отражаются на уровне лексико-семантического поля обозначений видов питья, концептосферы и дискурса диалектной языковой личности.

Рассматриваемое лексико-семантическое макрополе видоизменяется за счет новых номинаций покупных безалкогольных (*кофе/ко'фий/ко'фия, какао, сок, газировка*) и особенно алкогольных напитков; исчезают обозначения разновидностей киселей. Внутри поля «спиртное» происходит развитие родовых и видо-видовых связей. На концептуальном уровне можно наблюдать стирание граней между бытовым и надбытовым в связи с уменьшением роли религиозного и обрядового начала в сознании носителей говора, разрушение представлений о норме употребления алкоголя (умеренность и уместность), утрату праздничных традиций, выражающуюся в вытеснении духовной составляющей внешними атрибутами праздника, в первую очередь спиртным. Дискурсивный уровень репрезентирует происходящие в языке и ментальности его носителей изменения через тексты жанров воспоминания, рассказов о повседневном быте, пословицы и поговорки; метатекстовые комментарии относительно напитков почти не встречаются.

Выявленные константы и изменения питьевой традиции соотносятся с данными других исследований, посвященных местным говорам. Полученные выводы представляются важными для всестороннего описания народно-речевой культуры в ее развитии.

Литература

1. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 18 с.
2. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
3. Лиханова Н.А. Лексикографирование культуры в региональных словарях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.
4. Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
5. Осипова К.В. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.
6. Миронова И.К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.
7. Бойченко А.Г. Репрезентация концепта «Питие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 21 с.
8. Савельева О.Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 24 с.
9. Боваева Г.М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений (на материале глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 21 с.
10. Пахомова И.В. Метафорическое представление концепта «еда/пища» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 159 с.
11. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015–2016. Т. 1–2.
12. Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
13. Синячкин В.П. Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 22 с.

14. Константинова Л.А. Наименования алкогольных напитков в русском языке XI–XX вв.: (Лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 1998. 27 с.
15. Долгова Е.Ю. Лексика и фразеология, связанные со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 21 с.
16. Дмитриева С.В. Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте (на материале псковских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 1999. 19 с.
17. Карасева Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 22 с.
18. Банкова Т.Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 128–138.
19. Устинова Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 207 с.
20. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 6(44). С. 20–36.
21. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
22. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 1: А–В. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 308 с.
23. Менцей М. Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых // Славяноведение. 2000. № 1. С. 89–97.
24. Алексеевский М.Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 21 с.
25. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

TRANSFORMATION OF SIBERIAN FOOD TRADITION IN THE DISCOURSE OF A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY: DRINKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 17–35. DOI: 10.17223/19986645/50/2

Lyudmila G. Gyngazova, Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 4749@mail.tomsknet.ru / ekivancova@yandex.ru

Keywords: food tradition, Siberia, dialect language personality, drinks, lexicon, conceptosphere, discourse.

Reconstruction of the Siberian food tradition in the sphere of the use of drinks and its transformation is made based on the discursive practice of peasant woman Vera Vershinina (1909–2004), born in Tomsk Oblast. Two information periods of her life reflected in the speech are compared: early (1910s–1920s), from the memoirs of the dialect speaker, and late (1981–2004), from texts that fix the linguistic existence of the society and the personality as part of it with the direct observation of dialect information collectors. Fields of everyday and “supra-everyday” life (festivals and rituals) are also compared.

Discursive materials, reflecting the life of the Siberian old-timer village for the past centuries, show that the constants of the food tradition are: the widest prevalence of tea and milk in everyday life; the permanent value of milk, which is recognised as an integral part of the human diet due to its nutritional value; connection of the festive and ritual tradition with consumption of different types of alcohol.

Transformation of the tradition of drinking reflected in the language is caused by social reasons: the change of the social system, the development of the food industry and the expansion of trade contacts between the city and the countryside, the changing level of peasants’ well-being.

Changes concern the modification of the basic element for the preparation of drinks. Its narrowing is associated with the cessation of the production of rye flour as the basis for making alcohol and kisels [starch drink], and also with the gradual refusal to use aromatic herbs and dried carrots as a substitute for tea. At the same time, the basic element expands, primarily due to sugar. There are more ingredients in drinks, ways of cooking some of them change. In everyday life, the amount of alcohol consumed increases sharply, which leads to negative changes in the “supra-everyday” sphere. In the

language, these changes are reflected at the level of the lexical-semantic field of designations for the types of drinks, the conceptosphere and the discourse of the dialectal language personality.

The lexical-semantic macro-field under consideration changes due to new nominations for purchased non-alcoholic and, especially, alcoholic beverages; designations of varieties of kissels disappear. Within the “alcohol” field, hyperonym-hyponym and hyponym-hyponym relations are developed. At the conceptual level, the elimination of the boundaries between the everyday and the “supra-everyday” is observed in connection with the diminishing role of the religious and ritual element in the consciousness of dialect speakers, the destruction of ideas about the norm of alcohol consumption, the loss of festive traditions, when the spiritual component is ousted by the external attributes of a holiday. The discursive level represents changes in people’s language and mentality through texts of the genres of memories, stories about everyday life, proverbs and sayings. There are almost no metatext comments on drinks.

References

1. Kurenkova, T.N. (2008) *Leksiko-semanticheskoe pole “eda” v proizvedeniyakh N.V. Gogolya, A.P. Chekhova, M.A. Bulgakova* [Lexical-semantic field “food” in the works of N.V. Gogol, A.P. Chekhov, M.A. Bulgakov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
2. Kirsanova, E.M. (2009) *Pragmatika edinits semanticheskogo polya “PISHCHA”*: sistemnyy i funktsional'nyy aspekty [Pragmatics of units of the semantic field “FOOD”: system and functional aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Likhanova, N.A. (2011) *Leksikografirovanie kul'tury v regional'nykh slovaryakh* [Lexicographing of culture in regional dictionaries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskyy aspekt* [Vocabulary denoting categorical attributes of food in the Russian language tradition]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
5. Osipova, K.V. (2017) Brewing vocabulary in the Russian North: an ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 57–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/4
6. Mironova, I.K. (2002) *Kontseptosfera “Eda” v russkom natsional'nom soznanii: bazovyye kognitivno-propozitsionnyye struktury i ikh leksicheskie reprezentatsii* [The conceptual sphere “Food” in the Russian national consciousness: basic cognitive-propositional structures and their lexical representations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
7. Boychenko, A.G. (2009) *Reprezentatsiya kontsepta “Pitie” v russkoy yazykovoy kartine mira* [Representation of the concept “Drinking” in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Abakan.
8. Savel'eva, O.G. (2006) *Kontsept “Eda” kak fragment yazykovoy kartiny mira: leksiko-semanticheskyy i kognitivno-pragmaticheskyy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [The concept “Food” as a fragment of the language picture of the world: the lexical-semantic and cognitive-pragmatic aspects (on the material of Russian and English languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.
9. Bovaeva, G.M. (2012) *Lingvokul'turnaya spetsifika etnicheskikh pishchevykh predpochteniy (na materiale glyuttonicheskikh nominatsiy kalmytsko-, russko- i nemetskoyazychnykh etnosov)* [Linguistic and cultural specificity of ethnic food preferences (on the basis of gluttonic nominations of Kalmyk, Russian and German-speaking ethnoses)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
10. Pakhomova, I.V. (2003) *Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta “eda/pishcha” v angliyskoy yazykovoy kartine mira novoangliyskogo perioda* [A metaphorical representation of the concept “food” in the English language picture of the world of the New England period]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Yurina, E.A. (ed.) (2015–2016) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017) Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 98–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/7
13. Sinyachkin, V.P. (2002) *Kontsept “khleb” v russkom yazyke: lingvokul'turologicheskie aspekty opisaniya* [The concept “bread” in Russian: linguistic and cultural aspects of the description]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

14. Konstantinova, L.A. (1998) *Naimenovaniya alkogol'nykh napitkov v russkom yazyke XI–XX vv.: (Lingvoistoricheskiy aspekt)* [The names of alcoholic beverages in the Russian language of the 11th–20th centuries: (Linguistic and historical aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
15. Dolgova, E.Yu. (2009) *Leksika i frazeologiya, svyazannye so sferoy upotrebleniya spirtnykh napitkov, v russkom yazyke* [Vocabulary and phraseology related to the use of alcoholic beverages in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
16. Dmitrieva, S.V. (1999) *Leksika tematicheskoy gruppy “Pitanie” v narodnoy rechi v areal'nom aspekte (na materiale pskovskikh govorov)* [Vocabulary of the thematic group “Nutrition” in folk speech in the areal aspect (on the material of the Pskov dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Pskov.
17. Karaseva, T.V. (2004) *Nazvaniya pishchi v voronezhskikh govorakh* [Names of food in the Voronezh dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
18. Bankova, T.B. (2008) *Kulinarnyy kod sibirskikh semeynykh obryadov: ob'ektivatsii v yazyke* [Culinary code of Siberian family rituals: objectivation in language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 128–138.
19. Ustinova, N.A. (2011) *Pishchevoy kod traditsionnoy kul'tury Srednego Priob'ya: etnolingvisticheskiy aspekt* [The food code of the traditional culture of the Middle Ob region: ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2016) Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialect language personality: products and dishes. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6(44). pp. 20–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/2
21. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The complete dictionary of dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
22. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
23. Mentsey, M. (2000) *Slavyanskije narodnye verovaniya o vode kak granitse mezhdru mirom zhivykh i mirom mertvykh* [Slavic folk beliefs about water as a boundary between the world of the living and the world of the dead]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 89–97.
24. Alekseevskiy, M.D. (2005) *Zastol'e v obryadakh i obryadovom fol'klоре Russkogo Severa* [Feast in rites and ritual folklore of the Russian North]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.